

Как только Чу Нянь объявил о решении порвать родственные связи, в зале воцарилась гробовая тишина. Все уставились на него так, будто в него вселился какой-то бес и он окончательно лишился рассудка.

Клан Чу за три поколения не породил ни знатных чиновников, ни выдающихся ученых. Семья держалась лишь на изнурительном труде предков, которые поколениями гнули спины на полях. В поколении старика Чу дела тоже шли не сказать чтобы блестяще, но он сумел сохранить единство семьи и сплотить вокруг себя всех домочадцев. Его жизненным кредо было простым: плодить наследников мужского пола, чтобы род процветал, а кровь не прерывалась. Он не только сам прикладывал к этому все усилия, но и понуждал своих детей следовать тому же примеру. Сколько малюток погибло во младенчестве — не счесть, но ничто не могло поколебать его решимость.

В доме действовало железное правило: никто, ни женатые, ни холостые, не имел права отделяться и вести хозяйство самостоятельно. Поля обрабатывали сообща, все доходы от мелкой торговли сдавались в общий котел, а госпожа Чу единолично распоряжалась всеми средствами, выделяя деньги лишь на самое необходимое. Любое событие, большое или малое, требовало одобрения старика Чу. Долгие годы все привыкли видеть в нем незыблемую опору семьи.

И вот теперь человек, чье слово в доме было законом, столкнулся с тем, что кто-то посмел посягнуть на его незыблемые принципы. Разрыв родственных связей — это куда хуже, чем обычный раздел имущества. Это вызов предкам, осквернение памяти рода! Старик Чу решил, что Чу Нянь просто сошел с ума, раз его посетили столь нелепые мысли.

Особенно негодовал Чу Дацин. Глядя на своего гэра, который посмел пойти против него, он чувствовал, как рушится его отцовский авторитет. Неужели это действительно ребенок, выращенный в их доме? Тот самый робкий и услужливый четырнадцатый сын? Может, после той попытки повеситься, побывав в гостях у владыки ада, он набрался там какой-то дури? Иначе как объяснить такую перемену в характере и наглость? Заявить о разрыве — это значит не просто дерзить отцу, а бить его по лицу, будто это семья Чу была в чем-то виновата перед ним.

Это было абсурдно. И совершенно безумно!

Чу Дацин пришел в ярость и, решив во что бы то ни стало выбить эту дурь из головы сына, с силой дернул палку, которую пытался отнять у Чу Няня.

— Хочешь порвать с семьей? Сначала я переломаю тебе ноги, посмотрим, как ты после этого заговоришь о разрыве! — прорычал он, налегая всем весом. Он не мог поверить, что не справится с каким-то гэрмом.

— Вы уже продали меня за бесценок, какая тут может быть родственная связь? — Чу Нянь изо всех сил сопротивлялся, не давая отцу вырвать палку. — Разорвем все до конца, и дело с концом. Отныне моя жизнь и смерть никак не будут связаны с вами. Разве это не лучший исход

для всех? По сути, я сейчас пекусь о благе клана Чу.

Оставшись в одиночестве, без гроша за душой и поддержки, Чу Нянь не мог рассчитывать на силу, но у него была отчаянная решимость. Он поставил на кон все.

Ответ Чу Няня лишь подлил масла в огонь:

— Ересь! Если бы не твои постыдные выходки, нам не пришлось бы прибегать к таким крайним мерам. Когда Сун Шиюань привез тебя обратно, он в лицо мне тыкал тем, что я воспитал бесстыдного гэра! Без брачного договора, без выкупа — а ты хотел навязаться ему на шею. Слава богу, он не поволок тебя в уездный суд! Если бы он подал жалобу за очернение его доброго имени, думаешь, ты выдержал бы чиновничьи палки?

Чу Дацин остановился, тяжело дыша, и с досадой ударил себя по щекам:

— Мало того что я опозорился, так еще и твоих деда с бабушкой подставил под удар! Тут не то что восемь лянов серебра, тут еще доплатить придется, лишь бы тебя забрали!

Услышав это, Чу Нянь почувствовал, как к горлу подкатил ком. С его матерью, как и с самим оригиналом, всегда поступали так: как только что-то шло не по плану, всю вину сваливали на него. А ведь именно они, почуяв выгоду от Сун Шиюаня и посчитав оригинала удобной марионеткой, подталкивали его к общению с этим человеком. И вот теперь виноват во всем оказался он. Бедный парень по глупости влюбился, а Сун Шиюань, оказавшись подлецом, бросил его, не задумываясь о репутации. Равнодушие Сун Шиюаня было лишь частью проблемы, жадность и приземленность его родителей стали куда более важными причинами трагедии. В конечном счете, никто из них не был невиновен.

Чу Няню было бесконечно жаль того, чье место он занял. Тот отдал жизнь, а в итоге остался крайним. Не сдержавшись, он решил бороться до конца:

— Если вы так боялись позора, зачем тогда сами подначивали меня клеиться к Сун Шиюаню? Вспомнили про честь только тогда, когда свадьба сорвалась? Скажу вам прямо: репутацию семьи Чу разрушил не я один. Не пытайтесь повесить всех собак на меня, в этом виноваты и отец с матерью, и остальные старшие родственники!

Все, кто был причастен к тем интригам, остолбенели. Оказалось, что наблюдать за чужим позором безопасно, пока не замарали тебя самого. Люди начали неуверенно переглядываться, а затем перевели взгляд на Чу Дацина, мол, неужели это наша вина, что мы давали советы твоему гэру?

Чу Дацин почувствовал на себе давление. Сегодня этот мальчишка умудрился настроить против него всю семью.

— Ты... когда это ты стал таким острым на язык? Смеешь попрекать старших? Точно, ты заслужил порки! Отпусти палку!

Чу Нянь вцепился в неё еще крепче, не сводя жесткого взгляда с отца, который в своей грубости перестал различать своих и чужих:

— Сегодня я не позволю тебе и пальцем меня тронуть! Хочешь проверить? Попробуй!

— Ах ты, паршивец! — Чу Дацин, который семнадцать лет знал Чу Няня как покорного сына, не ожидал такого упрямства. Он изловчился и дернул палку изо всех сил.

Ху Ляньсян, не в силах больше смотреть на этот спектакль, бросилась на помощь мужу, хватая Чу Няня за руку:

— Нянь-гэр, как же ты не понимаешь? До каких пор ты собираешься устраивать этот балаган? Признай вину и завтра по-хорошему иди в дом мужа, неужели нельзя?!

Они вдвоем навалились на него, и Чу Нянь, не удержавшись на ногах, рухнул на землю, прямо на рассыпанные осколки разбитой керамической посуды. Руки вмиг окрасились кровью, порезы были глубокими и болезненными.

Чу Нянь выругался про себя, но тут же понял, что этот хаос — его единственный шанс. Он молниеносно подхватил самый острый осколок и, вскочив на ноги, без колебаний приставил его к сонной артерии.

— Хотите, чтобы я покорно пошел замуж? Только после того, как мы официально порвем все связи! Иначе не трудитесь, я сам перережу себе горло. А разгребать последствия будете вы сами.

Если уходить, то навсегда. Даже ценой жизни он должен был провести черту между собой и кланом Чу. Его готовность умереть была предельно ясна.

Сегодня он добьется разрыва...

<http://bllate.org/book/22371/2346370>